

Олег Копытов

Защита Ружина — 2

роман

Олег Копытов

Защита Ружина – 2. Роман

«Издательские решения»

Копытов О.

Защита Ружина – 2. Роман / О. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833585-3

Герой, защитивший кандидатскую диссертацию в романе «Защита Ружина», теперь вознамерился писать и защищать докторскую... Его характер изменился. Как и страна, перешедшая из девяностых в нулевые...

ISBN 978-5-44-833585-3

© Копытов О.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Защита Ружина – 2

Роман

Олег Копытов

Начато 23 мая 2014-го, Великий Новгород

© Олег Копытов, 2016

ISBN 978-5-4483-3585-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Я не помню, за сколько месяцев *до того*, это было. До первой защиты Ружина...

Кажется, было солнечно, зелено, с легким ветерком: весна или осень, не иначе. Я шел тротуаром: слева длинная кривая с черным подножьем скала десятиэтажки с семью-восемью высокими гротами подъездов, справа, не считая пары стоящих на тротуаре задами к прохожему легковушек, – тощий скверик со стандартным разноцветным небольшим детским городком, деревья были тощими не сами по себе, а из-за того, что напротив одной черно-серой скалы-голубятни стояла вторая, люди-голуби, правда, не жались к верхним карнизам скал, а густо и геометрически правильно населяли их нутро и не были видны. Скоро – спуск к кривой внутренней дороге этого микрорайончика, узкая дорога изовьется до почти широкой и густоезженной, до маленькой белой крепости с внутренним пыточным углом и хоздвором милиции – РОВД, или как они там сейчас. По ходу слева прямыми углами друг к другу, на не очень почтительном расстоянии друг к другу стоят приветы из более ранних архитектурных советских эпох – серые пятиэтажки, в одной из них живу я, я иду в нее, а пока думаю: «Вот скоро защита Ружина, а как защищусь – всё изменится! Нет, конечно, останутся этот большой дом с длинным магазином „Тысяча мелочей“ на парадной стороне и высокими черными подъездами с другой, останется этот скверик, детская площадка, спуск к моему дому и прочая, но любая другая жизнь вокруг меня изменится. Как? Пока не знаю. Но она будет другой – больше похожей на счастливую».

Так думал Андрей Васильевич Ружин осенью 2003 года за шесть месяцев до защиты кандидатской диссертации по филологии, которую, как помним, 6 апреля года 2004-го он защитил блестяще. Впрочем, эту фразу «Он защитил диссертацию блестяще» повторяют так часто (в дело и не в дело!), что она стала штампом и мало что выражает. Чтобы наполнить эту фразу хоть каким-то более-менее зримым содержанием, вспомним, что защита Ружина была насыщена эмоцией бенефициара, его артистичностью, логикой и даже изяществом ответов на вопросы, ну, и, если честно, не самым высоким уровнем высокого собрания...

А что могло качественно измениться в жизни Ружина сейчас, в конце мая 2004-го вообще-то было непонятно. Из телерадиокомпании он ушел еще в феврале, с тех пор никуда не устроился, некогда было – диссертацию защищал, то бишь был теперь натуральным безработным; супруга трудилась на не самой изящной работе, трое детей тащили лямку своего малообеспеченного детства... Все ютились в одной комнате бывшего общежития ткацкой фабрики, по новым временам – многоквартирного дома де юре и сермяжкой русской коммуналки де факто. Впрочем, сын, а хотя бы и в силу того, что объемом своего тела был поболее двух худеньких сестер, десятью и одиннадцатью годами младше, всё чаще был у бабушки, в какой-то момент само собой оказалось, что он там уже натурально жил... Пока счастливой жизнью и не пахло даже на горизонте. Осознание того, что он, Андрей Васильевич Ружин после десяти лет мытарств, как Одиссей свою Итаку с Пенелопой и детьми в придачу, заполучил-таки ученую степень кандидата филологических наук, конечно, пришло. Побыло с ним пару недель, как ворон-подросток, сидящий на плече... а потом ворон улетел... а чувство где-то глубоко-глубоко спряталось. Где прячутся сильные чувства? В сердце, в печени, в гипофизе?

Последние деньги откупных от ГТРК «Этогогородской» за сокращение съел билет из Владивостока до Этого города (ну и пара бутылок недорогого коньяка, чего греха таить!). Разок Ружин сходил в Дом радио как бы передать приветы тем, кто там еще где-то за что-то зацепился, увидел в стеклянной клетке «Лав-радио» вечно взлохмаченную голову вечно взлохмаченного мозгами чувака – как-то тот был его соведущим в одной из бесчисленных про-

грамм, что Ружин в бытность передовиком Этогородского радио в бытность того радио там вел, – теперь чувак на «Лав-радио» типа начальник Этогородского филиала, нервически машет руками и своей раненной радикальными проектами головой, дескать, занят, ребята, жутко занят, да и работы для тебя нет, для него нет, нет ни для кого работы...

Ружин, как и всякий уважающий себя безработный, купил газету «Из рук в руки» – в доинтернетовскую эпоху, а эпоха всё еще была доинтернетовской, ибо на работе уже вход в Сеть был уже у многих, а вот дома еще почти ни у кого входа в Сеть не было. В газете-толстушке самый толстый раздел был посвящен вакансиям и поискам рабочих мест, правда, за всю свою жизнь Андрей Васильевич так и не увидит ни одного живого человека, который бы устроился на работу благодаря этой газете... Андрей Васильевич, впрочем, позвонил в две средних школы и написал в одну сельскую газету, офис которой почему-то располагался в здании администрации не самого окраинного городского района.

В Этогородский университет, бывший политен, так им по сути и оставшийся, на кафедру русского языка соваться было нечего: я вам не говорил, друзья мои, что после того, как Ружин ушел в самом начале послезащитного банкета и долго бродил один по Владивостоку, он вернулся в гостиницу утром, всё еще не растративший той особой сверхкалорийной энергии, что дают человеку обильные возлияния алкоголя, сел на подоконник у высокого окна в начале перспективы длинного гостиничного коридора, симметрично между пальмами-фикусами сел, закурил, индифферентно выслушивал пояснения дежурной тетечки, что курить в коридоре нельзя, надо бы переместиться в туалет, увидел выходящую из своего номера помятую со сна и ненакрашенную и семяющую в дамскую комнату Лебеду, и теперь похожую на лису, но... какую-то уж очень худую, маленькую, старую, страшную и зашуганную лису, и громко, артистично, словно всё еще на академическом балу, философски прорычал, якобы дежурной, на самом деле обращая текст-подтекст Лебеде: «О! Смотрите, гений русской науки с утра пописал пошла! Вы знаете, а я раньше думал, что гении вообще не писают!» Лебеда, резко мотнула головой, хотела жестко нахала одернуть, но вместо этого проглотала, как рыба, ртом воздух и скрылась в женском туалете... Н-да, после того на кафедру русского языка, которой теперь вечно будет заведовать Лебеда, а в Этом городе редко бывает иначе, что кафедрами заведуют вечно, не стоило соваться никогда. Кстати, Этогородский университет, только чуть-чуть побыв таковым, теперь называется Тихоокеанский. Почему? От Этого города до Тихого океана семьсот километров. Что, с тех пор как «...и на Тихом океане свой закончили поход», для любого бешеного таракана семьсот верст, действительно, не расстояние?

...Секретари директоров школ, куда я звонил, медными голосами, в которых звенело противоречие между маленькой зарплатой и большой ответственностью, одинаково отtelefonировали, что собеседования закончены, кандидаты отобраны. Ответа из сельской газеты, что в офисе почти центрального горрайона, не было. Пора было действовать умнее, а главное – эффективнее.

Я пошел к Всеволоду Петровичу Сысоеву, мощному старцу, не старику, именно старцу, к его стати, авторитету, самоуважению, биографии, роскошной бороде и седым кудрям на широком лбу словечко «старик» близко не подходило, несмотря на теперешние, в мае 2004, девяносто два с половиной года возраста. Сысоев не просто когда-то был главным охотоведом края, не просто много лет возглавлял главный местный краеведческий музей, и к нему на экскурсии направляли всех высших гостей области – от шахиншаха Ирана аристократичного Пехлеви до главы Болгарии отнюдь не живчика Живкова, не просто написал десяток книг, одна из них – про тигрицу с замечательным именем Золотая Ригма – много лет была как все-союзным, так и китайско-японским бестселлером, – так вот: он уже много лет дружил с губернатором области, во всяком случае, последний не раз признавался публично в очень теплом к Сысоеву отношении. В свою очередь Сысоев очень тепло относился ко мне. Особенно после

нескольких моих статей о Шолохове, которого Сысоев боготворил, каждую минуту встреч с ним в 1966-м помнил поминутно...

– Всеволод Петрович, – говорю, – вы почетный профессор Академии экономики и права, а почему именно ее? Био- и геофакультетов там вроде нет».

– Андрей, главное в любом вузе не то, как он называется, а то, кто у него ректор. Там ведь Бедобабин. Ты знаешь Бедобабина?

Пару лет назад я пригласил в программу местного философа с замечательной фамилией Леонтьев. Речь шла, не поверите, о воспитании в нашем народе критического мышления, которого ему так не хватает, особенно с начала 90-х, там я процитировал одну весьма глупую мыслишку ректора Бедобабина о вреде критического мышления, а заодно и критичного отношения к чему-либо, слетевшего с его уст на высоком областном совещании, на что Леонтьев ответил коротко и аргументировано, дескать, критика как чистого так и грязного разума, это первое, чему по-настоящему учиться или, во всяком случае, должен учиться, любой человек в своей жизни, и добавил, что ему жаль, что этого не понимает такой уважаемый в области человек как Владислав Алексеевич.

– Лично нет, но, конечно, слышан.

– Ну вот он меня и приглашает на выступления, и он настоял, чтобы ученый совет присудил мне профессора кауза хонори. Ты, конечно, знаешь, как с латинского переводится...

– «По причине чести», «в силу заслуг», – мы общались с Сысоевым так давно, с 95-го, уже почти 10 лет, так что я уже дошел до хамства его перебивать.

– Да... Ну так вот...

Сысоев еще поговорил немного о своих заслугах и о ректоре Бедобабине, после чего я приступил к делу.

– Всеволод Петрович, я стал кандидатом наук, но пока в этом качестве холост до неприличия. Не просто без работы, а даже не знаю, к какому вузу подступиться. С пединститутом, вы знаете, мой роман закончился полным разводом... А у вас нет какой-то возможности намекнуть Бедобабину, что есть свежее испеченный кандидат наук, который рвется в бой!

– Намекнуть! Да я ему специально позвоню!.. Так, знаешь что, давай прямо сейчас...

– Нет-нет, Всеволод Петрович, время терпит... И потом: я ж не в проректоры рвусь, может, у него есть хоть какая-то заваливающая для меня должностёнка?

– Должностёнка?! Я буду ректору звонить, чтобы для тебя, знатока Шолохова, он искал... должностёнку!.. Андрей, не был бы ты для меня другом, я б сказал тебе, какой ты сейчас сын!

– Знаю, для вас я сейчас сукин... Ой, пардон, опять чушь сморозил...

– Всё, баста, наш с тобой трёп вообще в разнос пошел!.. Иду звонить.

Бедобабина на месте, как и вообще в городе, не оказалось...

Журналистско-писательская тусовка плоха во многих смыслах. Но в некоторых смыслах она очень хороша.

Еще я позвонил поэту Ковалёву. Тот – даром что завел бизнес – свой книжный магазин, стихи писал до сих пор, к своим 50-ти годам всё какие-то ученические, но *вопросы решать* умел.

Он перезвонил через день.

– Слушай, ну «Этогородские ведомости» ты, конечно, знаешь – только не газету, а издательский дом, Смирнова?

– Конечно. – Я уже умел компетентно врать, чтобы не прослыть некомпетентным.

– Так вот я им позвонил. Только не самому Смирнову, а Карпову. Он у них исполнительный директор. Бывший журналист, кстати. Сейчас они на плаву. И с Соколом дружат, и с Белым домом, заказов – море. Умные люди им нужны. Карпов хочет тебя посмотреть. Пока на должность редактора, а там видно будет. Записывай телефон...

Я позвонил, даже не покуривши.

Голос в трубке был тих, вежлив и приятен. Смотрины назначили на понедельник.

Надо же! Такие собеседования, наверное, устраивают резидентам разведок в крупных странах-«партнерах». В большом кабинете, явно самого Смирнова, я видел этого дядьку разок по телевизору – в 90-х он спас от финансовой катастрофы старейшую газету области, именно тем, что пристроил к ней новоиспеченный одноименный издательский дом, мгновенно занявшийся пиаром власти и нуворишей, – в передаче, явно «джинсе», причем грубой варки, корреспондент густо поливал его елеем, но тот держал приторный удар более-менее спокойно, – в большом кабинете восседали Карпов – маленький, но по виду не ершистый, кроме того, мужичок под шестьдесят, похожий на заслуженного железнодорожника, сухой и крепкий, как вагонная сцепка, женщина из того сорта, что всегда улыбаются, но редко что говорят, и парень лет 25—27 сильно похожий на финского актера, что вылепил колоритные роли в русских комедиях «Особенности национальной охоты» и «Особенности национальной рыбалки» (хотя лично мне больше нравится «Кукушка»). Впрочем, в отличие от финского актера парень был худощав. Вот такой набор начальников «второго плана» (ибо первого – только сам Смирнов, разумеется). Не много ли для глубоко провинциального «Ройтера» совсем юной капстраны?

Мое резюме лежало перед Карповым, и он задал лишь один вопрос: почему я ушел из банка?

– Он утонул, – ответил я тихо и с мягкой улыбкой, как Путин на вопрос Лари Кинга о том, что случилось с подводным крейсером «Курск».

Почти все остальные вопросы задавал худощавый финский актер (вскоре мне бросилось в глаза какое-то фиолетовой ожерелье из каких-то зубов над его сиреневой футболкой).

– Фотографировать умеете?

– Конечно, мальчишкой баловался: пленка, проявители, закрепители, всё такое. Но цифрового фотоаппарата у меня сейчас нет (До эпохи, когда будут у каждого, осталось 3—4 года, мой читатель!)

– Понятно... А по какой науке вы кандидат?

– Филологии.

– А как думаете, местные, вообще дальневосточные писатели могут дать доход с тиража в тысячу-две, если их издать не очень шикарно, но и не убого?

– Однозначно нет.

– Это почему же?

– Чтобы книжку купили все, нужно, чтобы за ней стоял мощный культурный миф. По крайней мере, раньше так было. Вот как-то родился миф, что Чингиз Айтматов в маленьком пространстве романа «Буранный полустанок», да и по времени, там, кажется, всего сутки прошло, как у классицистов, – чуть ли новый завет классицизма соорудил. Все его и купили. Во всяком случае, интеллигентам было стыдно, если у них этой книги нет или они ее не читали. То же самое с зарубежкой, ну, не знаю, Уильям Голдинг, «Повелитель мух» – вроде бы про детей, но там есть всё, ответы на все вопросы человечества.

– Но сейчас же Дарья Донцова, Акунин?

– А сейчас другой миф, не культурный, а потребительский. Что это однодневки, но вот такие элегантные одноразовые носки, которые – да, одноразовые, но которые хотя бы один раз, хоть один день, но обязательно нужно поносить. Тогда это круто. А штопанные старые носки – это не круто. Что это признак, пардон, лоха. Но вот, чтобы такой как Донцова или Акунин миф соорудить, нужно, во-первых, писать более-менее технично, а во-вторых и главных, иметь мощную машину для раскрутки этого самого потребительского мифа. Ни у кого из местных нет ни того, ни другого. Нет, у местных ни у одного шанса нет, всё, что бы у них не издали – художку, во всяком случае, – в жуткий убыток.

– Вы только Сергею Алексеевичу этого не говорите, – подал очень ценную реплику Карпов. Ценную во многих смыслах. Во-первых, я понял, что Сергей Алексеевич – это Смирнов. Во-вторых, что он, как настоящий хозяин, делает здесь всё, что хочет, типа – авторитарное правление. В-третьих, что художественную литературу, даже местных авторов, даже себе в убыток, всё же издает. В-четвертых, если он потакает своим, пусть благородным, принципам в ущерб экономике – рано или поздно прогорит. Ну и, наконец, в-пятых, что меня берут.

Андрей Васильевич Ружин, сорока лет от роду, кандидат филологических наук, с заметными следами весьма непростых сюжетов жизни на лице, во взгляде, несколько глубоко посаженных глаз, с белогвардейскими, точнее, штабс-капитанскими пепельными усами, стройностью еще без намека на возрастную – не полноту, Боже упаси!, – а мужскую корпусную дооформленность, безо всяких там пошлых животиков, стоял в одиночестве у окна продолговатого небольшого кабинета в первый свой рабочий день в ИД «Этогогородские ведомости» и смотрел с высоты десятого этажа на давно ему знакомую улицу имени товарища Ленина, давно ему знакомого Этого города. Его терзало смутное предчувствие – какой-то обманки судьбы, не меньше... Внизу посередине дома в стиле не самых примитивных жилых домов 50-х, светло-коричневого, почти желтого, с угловатыми выступами по фронту, покатым углом рифленой крыши, безупречно квадратными окнами, с балкончиками из перил – маленьких белых колонн (точнее крупных шахматных пешек), посередине этого дома были даже не ворота, а была какая-то ремарковская триумфальная арка, за которой угадывался манящий вглубь и вдаль сквер. Но Ружин хорошо знал свой город. Нет там никакого сквера. Там несколько, действительно, высоких старых деревьев, а дальше – выход в пьяный район, и еще дальше – пропахшая карболкой старая больница... Вот сад у той больницы действительно замечательный...

Зашли двое. Молодой начальник самого молодого отдела издательского дома, где теперь работал Ружин, так похожий на финского актера, только стройнее и со славянской глубоко спрятанной одновременно иронией и грустью, Ружин уже знал, что его зовут Роман Яшин, и второй парень, чуть-чуть рыжеват, хотя, скорее блондинист, но более начальника грустен, неуловимо напоминающий певца Стинга в возрасте эдак под 30.

– Это Лёша Павлюченко, тоже редактор, будете работать вместе, на первых порах он будет вам помогать и вводить в курс дела. Между прочим, он мастер по киокушинкай и кандидат наук.

– Ух, ты! Коллега? Филолог?

Лёша засмутился.

– Я закончил фэвээс педа и взял корки кэпедэна...

Потом, видать, быстро понял, что для первого диалога знакомства нагородил слишком много аббревиатур, носить желтую звезду кандидата *педагогических* наук, к тому же окончившего факультет *физвоспитания и спорта* пединститута, тоже не каждому приятно, поэтому он спешно махнул рукой и добавил:

– Да, ерунда это все!

И – обращаясь к Роману:

– Ты Андрею проект уже дал?

– Ну, путевые машины надо дать. Там клиенты серьезные, Андрей Васильевич тоже человек серьезный, так что всё будет гармонично.

– Класс!

В первый же рабочий день я пойму, что словечки «класс!», «классно!», «супер!», а также старинное «зашибись!» – любимые в этом учреждении. Правда, они употребляются, как правило, с выхолощенным значением: обозначают не что-то сверх-хорошее, а просто сигнализируют о том, что всё идет своим чередом.

Роман в целом и общем обрисовал задачи отдела и познакомил с его небольшим штатом. Этот отдел издательского дома выпускал рекламные буклеты и проспекты, корпоративные календари, делал для фирмачей сайты, начинал заниматься и мультимедийными презентациями – то есть выпускал и компьютерные диски, где о фирме или органе власти пели дифирамбы цифры, тексты, фото, видео и даже игры. Народ здесь собрался молодой: в районе 30-ти, точнее именно *под 30*: что мне, например, льстило. Кроме Романа и Алексея – племянник Смирнова Егор, высокий, резковатый, сразу мне не понравился: не тем, что племянник хозяина, хотя подобное всегда настораживает, а тем, что носит имя моего сына. Терпеть не могу, когда кто-то носит имя моих детей! Моё – пожалуйста, жены – пожалуйста. Родителей, бабушек с дедушками – да ради бога, но – детей... Впрочем, с Егором мы всю мою службу в издательском доме были на некоторой дистанции, оттого – в самых милых отношениях. Был Митя – компьютерный гений. Точнее, Роман представил его так:

– А это Дмитрий, наш Билл Гейтс!

– Что, такой богатый?! – удивился я.

Ребята слегка замялись, наконец, Ромаотреагировал:

– В будущем – может быть, пока – такой же продвинутый.

Еще был наш собственный отдельный дизайнер. Виктор. Меланхоличен. Сух. В тяжелых очках, видимо, с немалыми диоптриями. Какой-то разновидности автохтонов, но манерами, знаниями, интеллигентностью, продвинутостью похож на японца-аспиранта. Однажды я видел, как он с монитора читает «Улисса» Джойса. Мы с ним быстро подружились.

Вообще-то с дизайнерами здесь всё было как-то странно. Они как бы не были прикреплены ни к одному отделу. Карпов сам раскидывал более-менее свободных по проектам. Точнее, свободными, без запаристой работы они не были никогда, каждый тасил по два-три, иногда больше проектов одновременно. Но вот Виктор почему-то почти все время работал на нас. В отличие от всех других, кто работал и над книгами, включая густо иллюстрированные фолианты типа «Дальний Восток 2005», ну и прочим ассортиментом. Цех дизайнеров вообще был сверхлюбопытен. Колоритен, во всяком случае. Анжелика, маркиза ангелов, она же Анна, очень симпатичная, и, как шутил в моей прошлой жизни болгарский студент МГУ Никола Христов, такие девушки выглядят в джинсах так, словно никаких джинсов на них вовсе и нет: Анжу-Анну я сразу же, конечно, приметил, причем, без шансов, это нутром чую, но мне было очень приятно, когда я как-то снялся в большой местной телепередаче, и она очень мило и даже слегка многообещающе со мной на эту тему покетничала. Сего эротического приключения с ней мне вполне хватило... Был вертлявый короткобородый Сендин, по кличке Сеня, эдакий хипстер без бабочки родом из шестидесятых, а может, лучше сказать, пижонистый чувак из семидесятых, который без потерь конвертировался в гая нулевых. Полулысина и седина ему нисколько не мешали. Он носил исключительно потертые на коленях и гульфике джинсы, в отличие почти от всех (еще железнодорожник с непонятными мне до сих пор начальственными полномочиями) отпускал матерщину в своей речи и был смертельно подколот однажды Яшиным, когда в своей отпуск сидел целыми часами на работе за своим компьютером: «Отпуск отпуском, а порнографию и тяжелый рок из служебного интернета качать надо! Так ведь, Сеня?»

Все фотографии были приходящими, со стороны, но как бы постоянными внештатниками...

Издательский дом занимал целый десятый этаж бело-голубой десятиэтажки стекла и бетона когда-то НИИ судостроения славного Этого города, а теперь странноприимного дома из сорока сороков фирм и фирмочек.

Тяжелее всего было спускаться и подниматься на улицу покурить, ибо лифты часто не работали...

Дней десять «проработал» я в издательском доме, лениво ковыряя что-то в помощь Лёше, который медленно-печально изучал матчасть самолета ЯК-40, поскольку собирался (или уже делал?) проект для авиаотряда города Николаевск-на-Амуре. А в основном я, конечно, по старой журналистской привычке читал для себя газеты в интернете. Ну и трепался со всеми подряд коллегами о всякой всячине – от Жорж Санд до Жоржа Амаду, от рецепта рыбного филе на соевом соусе до глиссад НЛО над Парижем.

А тут звонит жена и говорит, что звонил Сысоев (естественно, нам домой) и сказал, чтобы я к нему пришел. «Как можно скорее!» – добавила.

Прямо в разгар рабочего дня в издательстве я издевательски сказал соседу-трудолюбу Леше: «Я к Сысоеву пошел», – и кликнул компьютер на «Пуск» и «Выключить».

Пошел, прорезая две главные длинные параллельные улицы города улочками-перпендикулярами, раскуривая сигареты на спусках с обоих холмов, как обычно обязательно чуть-чуть задерживаясь взглядом на всех встречных дамах от Наташи Ростовской до мадам Бовари.

Сысоев немного порассказывал, как в свое время устраивал на работу своих молодых подопечных по ликвидированному охотхозяйству, когда сам стал директором краеведческого, главного в области, музея. Наконец, перешел к главному.

– Кажется, мы найдем и тебе работу! Да не такой фиговый листик как сейчас! – быстро и почти грозно добавил Всеволод Петрович, увидев, что я открыл рот сказать, что работа-то у меня как бы уже есть.

– Андрей, я звонил Бедобабину, и, знаешь, Владислав Алексеевич на том конце провода аж весь засветился. Я чувствую такое – у меня опыт-то знаешь какой?

– Конечно.

– Они там уже несколько лет пробивают кафедру журналистики, и я попытался ему доказать, что лучшего кандидата на пост заведующего, чем Андрей Васильевич Ружин, он в этом городе не найдет.

Пока Сысоев велеречиво озвучивал свои доказательства, что не может человек, написавший такие хорошие статьи о Шолохове, быть плохим человеком и никудышным организатором кафедры, я, конечно, обсасывал в мозгу, как Миша Гинзбург третьего дня поведал, что в «нархозе» Бедобабин уже лет пять пытается открыть «Пиар», но у него пока ничего не получается, потому что Бедобабин не любит и не умеет «заносить». Вот Костенко умеет. Точнее его заместитель, проректор по развитию педуниверситета по фамилии... – тут Миша дунув дымом сигареты куда-то в сторону от разговора – выговорил длинную немецкоподобную фамилию соплеменника... – умеет. Кафедру «пиар» в педу уже в этом сентябре запустят, а потом и журналистики. А в «нархозе».... – говорил Гинзбург...

– Всеволод Петрович, извините, но я слышал, что Владислав Алексеевич пытается открыть отделение не журналистики, а паблик рилейшнз, сокращенно «пиар». В академии экономики и права это было бы более уместно. Маркетинг и реклама там уже есть, следующий шаг – какой-нибудь экономический пиар.

– Андрей, посмотри, есть в моей бороде хоть один волосок не седой? Нет? Так уже много лет. Поздно мне эти словечки учить. Пиар, муар. По сути, это ведь всё равно журналистика! Экономическая, политическая – да не бывает таких! Так же как литература. Что, Лев Толстой, когда писал «Севастопольские рассказы», занимался военной журналистикой? Дудки! Он написал честную книгу о войне. И всё!

Всеволод Петрович еще немного повозмущался по поводу новейшего словаря, впрочем, я молча был с ним солидарен, а что касается пиара, я ведь сам до сих пор не понимаю, что это такое: гибрид рекламы, пропаганды, однобоких новостей и уговоров путаны на щедрую скидку оттого, что клиент сам по себе парень не промах?

– В общем, вот тебе номер Владислава Алексеевича – это прямой, не приемной, прямой, слышишь! – Всеволод Петрович протянул мне четвертинку стандартного белого листа с крупным своим, похожим на корни дерева почерком. – Телефон заешь где. Иди, звони.

Всеволод Петрович Сысоев – одна из самых известных фигур Российского Дальнего Востока – жил в небольшой двухкомнатной квартирке. Меньшую комнату занимал письменный стол со стулом и книжный шкаф, кресло для гостей, а также диван. Над диваном – коврик с серебряным кинжалом. Не понятно было только, как этот дед-богатырь на сим диванчике по ночам умещался... Впрочем, в доме Достоевского в Старой Руссе я видал в кабинете классика черный диванчик куда меньших размеров: на таком восьмиклассник, стоящий на физкультуре в середине шеренги, мог спать, только свернувшись калачиком... В большой комнате, зале, куда я заходил редко, был обеденный стол, тоже диван, на котором все время располагался который год больная Екатерина Максимовна, была там еще польская стенка советских времен и телик, чуть ли не «Радуга» 1970-х годов.

Телефон стоял в миниатюрной прихожей, на узком столбике под овальным зеркалом.

«Ну и рожа и тебя, Ружин!», – подумал я. – «Прическа – мой дед Буденным был, из под чуба – лоб упертого, но слегка на саморефлексии, правильный полуовал скул – подбородка, правильность подчеркнута недавним бритьем, нос начинается как римский, а дальше славянская вздёрнутость и хищноватые ноздри, глаза – узковаты, но не узки, зеленоваты, но не зелены, еще с огоньком, но уже далеко не юношеские. И вот эти симметричные стрелки длинных морщин из внешних уголков глаз – чуть ли не к вискам, и маленькая паутинка морщинок-трещинок под глазами. Над тонкими губами серо-русые усы птичьими крыльями – а может, маленькой крышей летающего Эллиного домика... Всё! А вместе – это что?

– Да, – точнее, с чуть проскользнувшей «эн» перед «дэ» в трубке.

– Владислав Алексеевич, вас беспокоит Ружин Андрей Васильевич, с вами разговаривал обо мне Всеволод Петрович Сысоев, по поводу организации новой кафедры в академии.

– А-аа! Да-да-да...

Глава вторая

А Миша Гинзбург уже доктор. В каком возрасте он защитился? В тридцать?... Ах, да в 33! Известная цифра... Притом, что гуманитарий становится доктором наук в среднем в 45—47. А то и за 60... Есть во всем скороспелом что-то подозрительное. Не будем вспоминать, кто у него папа, мама, а главное – дядя. Просто он очень хотел. Если чего-то очень хочешь, скорее всего, получишь. Банально – но правда! Притом, что поддержка клана, хана, географических обстоятельств или еще кого-то или чего-то, конечно, будет не лишней. Сам он свою скороспелость объясняет мотивами эдакими трагико-сентиментальными. Дескать, поселился в нем еще в юности ядовитый цветок неизвестной науке болезни, и расцветет сей цветок годам к пятидесяти с небольшим (как подсчитал?). А до сего трансцендентного срока должен он сделать как можно больше. И жить торопиться, и докторскую защитить. Кстати, опять по Бахтину. И если в первой, кандидатской, по Бахтину как философу, обычному человеку в тексте Миши были понятными только предлоги, то во второй – докторской, ни просто однозначные слова, не говоря уж о терминах, ни даже предлоги с союзами уже были неподвластны для расшифровки даже специалисту. Причем в эту тему Миша умудрился втиснуть свою любимую идею – социального хаоса. Дескать, в эпоху социального хаоса, например, в России в 90-е годы, государство только делает вид, что имеет власть, ею распоряжается, издает и блюдет законы, ну и просто управляет процессами, но на самом деле общество реструктуризуется в собственные институты, подменяющие институты государства, на смену законам приходят «договоры стратов», всё регулирует грубая сила и шальные деньги. В переводе с Мишиного языка: все начинают жить по понятиям, а государственные мужи только надувают щеки. Может быть, и так. Но мне две вещи непонятны. Общество, социум, даже блатное общество – это организация, система связей, плохая или хорошая – не важно. Значит «социальный хаос» – это оксюморон, «газо-камень»? И причем здесь Бахтин?

Спрашиваю Мишу, а вот за какое время реально докторскую соорудить, вот на его собственном примере? При наличии хорошей болванки, то бишь плана, тянущего на какую-никакую концепцию. Обзор литературы, так сказать, библиотечный период – полгода хватит? Материал собрать и в нем поковыряться – год хватит? А потом ежели так: не брать специального отпускного времени, а в студенческие летние каникулы, совпадающие в родным преподаским отпуском в 53 дня, – сесть и всё нарисовать? Сколько, кстати, для докторской страничек нужно?

– Ну, по умолчанию...

...Раньше Миша говорил более филологично: «по узусу», но он же теперь философ... то есть социолог... ах да, тяготеющий к политологии... хотя... «по умолчанию» – это просто новый городской сленг... а! – ладно!

– Ну, по умолчанию, так и есть, полгода – библиотека с интернетом, нарыть триста теоретических цитат по теме, ну и выписать, откуда, конечно. Год собрать материал, год – проанализировать, полгода – писать. Три года, нормально. Да... страниц триста пятьдесят основного текста, полсотни страниц приложений, один к одному – итого, триста пятьдесят единиц в библиографии. А дальше – главное: закинуть в хороший совет. Вот это главное!

– А сама диссертация – не главное?

– Никому эти диссертации на самом деле не нужны, никто их не читает.

– ?

– Политикам и богатым дядькам докторские нужны только как бирки, что они не дураки. Хотя дураки почти все. И поэтому за докторские они готовы платить любые бабки. Тем более деньги достаются им, как мусор. А нашему брату – сам знаешь, так же как и кандидатские: чтобы еще на три копейки зарплату увеличили.

– Миша, ну ты же говорил, что хочешь до пятидесяти что-то такое соорудить, чтобы потом умирать было не стыдно!

– Ну это мне и сейчас актуально. Но это делается не в жанре докторской. Это делается в виде как бы простой книги, ну... но такой, чтобы потом о ней говорили вечно, а на могилу автора толпами ходили поклонники, ну, я не знаю, «Мифологии» Барта или про Достоевского и карнавализацию у Бахтина. Только во времена Барта или Бахтина не обязательно было быть доктором, чтобы тебя прочитали, тогда все читали всё. А сейчас, если ты не доктор наук, никто всерьез тебя воспринимать не будет, будь ты семидесяти семи пядей во лбу... Вот я и торопился... И потом... Ты же знаешь, при моих болячках, мне отмеряно максимум шестьдесят...

Раньше он говорил: «Пятьдесят». Уже лучше», – подумал я.

– ... Вот я и торопился... А еще знаешь... Только между нами, девочками, ладно? Я тут подумал на член-корра подать. Я недавно снова составил свою библиографию – вроде тяну. Только вот теперь еще директором института рановского надо стать...

...Я, конечно, подумал, слышь, Миш, а чё б тебе – коль так всё плохо и скоро – для начала не забуриться пару раз в маленький такой веселенький недельный запойчик?! Не купить сразу пару шлюх, обеих на ночь – и без всяких резинок и «классики»?! Не смотаться в Тибет на месяц, в конце концов?! Чё ты сразу – «Члеен-Коорр»?..

Но я ничего не сказал. Выдул сигаретный дым в сторону от разговора...

В издательском доме всё по-прежнему шло довольно серо, очень нескоро, хотя времени было и интересно.

Проект с интригующим названием «Путевые машины» должен был открыть зам Романа Егор (как помним, еще и племянник босса), но по каким-то причинам всё не мог нажать проекту на «пуск», как Рома не напрягал его фразами типа: «Ну, и когда ты на стрелку с «Путевыми машинами»?

Но мне дали первый проект. Мне, как человеку из академических кругов, что ли, Яшин притащил целый чемодан компьютерных дисков и бумажной рухляди и сказал, что Нерюгринский район Якутии, она же Саха, заказал мультимедийную презентацию.

– Вы уже знаете, что такое мультимедийная презентация, да?

– О, да! Только вот есть план какой-нибудь более-менее точный?

– Андрей, план проекта у нас называется концепция, и его составляет редактор – он же автор проекта и (Роман мило улыбнулся) – ответственный за всё-всё-всё. Редактор, который начинал Нерюнгри, а потом уволился, конечно, концепцию составлял, но, во-первых, я ее не утвердил, а во-вторых, сам заказчик не утвердил. И вообще мы с представителем администрации Нерюнгри только по телефону и е-мейлу общались, но они скоро обещали своего человека прислать, и тогда всё конкретно завяжется. Причем очень скоро. У них юбилей района в марте – времени осталось всего ничего. Вы пока сделайте такую рабочую концепцию проекта для себя и займитесь текстами. Обычные рубрики: слово генерала...

– ?

– Ну, «генерал» – это генеральный директор, или глава администрации.

– А-а, понятно.

– Слово генерала, история, производство с главными достижениями, жилищная программа, образование, здравоохранение, культура, спорт, планы на «светлое будущее». Всё!

Чтобы служба медом не казалась, Роман подкинул еще пару календарей – помесечный «на спиральке», для футбольной команды ветеранов «Космос» (там играл спикер областного заксобрания, значит, деньги у них были) и для «Региобанка». Раз календарь – значит, Ружину срочно нужен фотограф. Яшин определил Ружину Сашу Голощекина. Дал его домашний теле-

фон. А Леша Павлюченко сразу предупредил: «Андрей, он по сути – шабашник, будет щелкать, как из пулемета, и навязывать каждый кадр, вы с ним построже!»...

Итак, началась не то, чтобы настоящая работа, но – ... процесс... Хотя довольно муторный.

Позже Ружин прочтет, что русское слово «раб» от праславянского корня «orb» – *работать в чужом доме*. Вот он уже какую неделю живет в этом доме и вроде бы ни с кем не ругается, мало того, всем мил, во всеми приятственно болтает, но... чужие они все здесь ему, чужие... Почти все... Вот дизайнер Виктор – вроде бы родственная душа...

Глава третья

Владислав Алексеевич Бедобабин назначил мне встречу на субботу. Хорошо! В издательском доме – даром, что проектный стиль, все работники должны были находиться на работе с девяти до шести каждый будний день.

Конечно, я приехал в академию экономики и права – по-старинному и навеки закрепленному – «нархоз», от совдеповского института «народного» хозяйства, – не к условленным двенадцати, а пораньше, сказал вахтерам свое «сим-сим»: «Я к ректору», – услышал в ответ: «Он еще не приходил», – твердо пробурчал, что велено в приемной ждать – и пошел гулять по заведению. Будучи журналистом я частенько бывал в своей этогородской альма матер – пед, в институте культуры, в политене, теперь почему-то Тихоокеанском почему-то университете, а вот в нархозе, поверите-нет, не был ни разу. Академия экономики и права слыла самым престижным вузом города: просто потому, что профессии юриста и экономиста считались самыми престижными в новой, всего-то тринадцатилетней России (а вот сколько их уже было – этих «Новых Россий», ежли от Петра... да нет, от его папы, от Алексей Михалыча посчитать?). Плюс здесь было банковское отделение: сидеть в тепле на лавке менял – это вам не задрав штаны целыми днями за куском хлеба бегать. Ну и здесь учились практически все мажоры города: дочь гендиректора «Региобанка», сын местного золото-платинового короля, племянники губернатора, не говоря уж о юных женах пузатых урок, из тех, кто остался-таки в живых после лихих девяностых и смог перебросить свои капиталы в легальный сектор. Было немало и просто наивных мальчиков и девочек – детей своих наивных родителей. И те и другие почему-то верили, что экономике прибыли можно и должно учить в вузе, что те, кто умеет это делать, те, кто знают секреты инвестирования, такие молодцы и альтруисты, что бросят дурное дело делать деньги самим, а станут годами за нищенскую зарплату препода рассказывать свои секреты чужим прыщавым юнцам... О том, что юрист в России (а может быть, везде?) – профессия, быстро выжигаящая в человеке природную мораль, остатки стыда и чувства справедливости, короче, о том, что в любом юристе нет ничего человеческого, – тоже редко кто вспоминал. Оттого недостатка в обучающихся в академии экономики и права, неважно, платно или бюджетно, никогда не было...

Но сейчас, в субботу, без двадцати двенадцать, бывший нархоз почему-то был совершенно пуст. Высокий вестибюль приветливо рассыпал по себе бело-сине-фиолетовый свет северной стороны из стеклянной стены напротив входа, терпеливо ждала своей вечерней очереди огромная люстра под потолком из белых матовых шаров и стальных угольников, манили прохладой дубовые перила внутреннего балкона, в лабиринтах второго и третьего этажей взору отрывались то портреты «Ученых института» – при внимательном рассмотрении это были человек пятнадцать-семнадцать преподавателей со степенью доктора наук, то большие постановочные фотографии – стилизации под известные русские картины: «Чаепитие в Мытищах», например, где купчиху изображала развесёлая студентка-толстушка, а самовар был натуральным, то гордость местных стен – желто-зеленые гобелены.

Бедобабин появился в узком предбаннике приемной без четверти час: невысокий, немного похож на плюшевого медвежонка, поздоровался за руку:

– Вот в субботу нужно с главбухом срочный вопрос решить, а с внучкой только завтра смогу встретиться... Ну ладно, пойдемте в кабинет...

Разумеется, Владислав Алексеевич Бедобабин не просто устраивал Андрея Васильевича Ружина в свою академию, но имел на него вид весьма практический и прагматический.

– ...Второй год уже пытаемся открыть кафедру пиар, думали в этом сентябре получится, но вот чуть-чуть не хватило («Налички занести или бумажек оформить?») – подумал Ружин, впрочем, Миша Гинзбург божился, что Бедобабин в этом смысле среди ректоров города –

«белая ворона»: в последние годы исповедует принцип «с чемоданами в Москву не ездить»). Поэтому давайте сделаем так. У нас есть кафедра маркетинга и рекламы, это близко к пиар, так ведь?

Ружин глуповато кивнул.

– ...Ей всего три года, но можно сказать – что *уже* три года, там очень сильная заведующая, впрочем, декан МЭО («Еще бы расшифровал, что такое «МЭО», – едва успел промелькнуть внутри себя вопросом Ружин) – тоже сильный, настоящий руководитель. Я поговорю с ними, они возьмут вас на год совместителем. Почитаете годик на КэМэйР, привыкните к академии, основная работа с постоянным окладом у вас, Всеволод Петрович говорил, есть, а с сентября будущего года мы с вами вместе откроем кафедру пиар. Вот тогда вы у нас развернетесь: сами наберете преподавателей, сами определите тему и направление кафедры, Сысоев говорил, что вы человек инициативный и талантливый, что вы стремитесь к большим свершениям («Слышал, Ружин, что авторитетные люди про тебя говорят?! Мотай на ус!»). Думаю, у нас всё получится. Ну как вам такие планы?..

Я ехал домой, из преддверия Северного микрорайона в центр, в полупустом «21-м» автобусе, сел у окна и думал вполне пристойную и наивную мыслишку. Вот стоит в серванте ваза для цветов. Давно стоит. Скучает. Пылится. Уже сильно нервничает от своей невостребованности. Месяц стоит, два, больше, полгода стоит... Никто в доме цветов не покупает. Ни повода нет, ни свободных денег: все уходит на что-то насущное – еду, квартплату, всякое такое... А тут вдруг муж жене ни с того ни с сего, а просто так – букет тюльпанов купил. Так ведь это ж еще не всё! На следующий день и сын матери – в кои-то веки! – тоже букетик цветов купил. А просто так. Купил да и всё!. И еще и старую вазу пришлось из кладовки достать. Ту, что не нужна была, да жалко выкинуть. И вдруг всё так в доме поменялось! Те же столы-стулья, диван, дверь на балкон, палас на полу... Всё так да не так! Две вазы и обе с живыми цветами! Когда ничто того не предвещало. И дело не в бело-красно-фиолетовых огоньках тюльпанов, не в желтых ежиках хризантем, не в причудливых гранях хрустальной вазы и теплых овалах глиняной. Не в них. А в чем?

Нет, ну мыслишка и вовсе даже пустая, скорее всего – не мыслишка даже, а простецкая метафора, может, сравнение даже. Просто не было у Ружина ни одной работы, а теперь – целых две. И не самые тяжелые, пыльные и скучные. Поди плохо!

Впрочем, как минимум до сентября постоянная работа будет одна. Да, чужеватая, да скучноватая... И вообще большие витиеватые куски текстов про район Нерюнгри Яншин забраковал. Точнее, сказал: «Понимаете, Андрей, ни в мультимедийной презентации, ни в большой корпоративной книге очерки, написанные высоким слогом, заказчик даже читать не будет, сразу выкинет и заночует, что ему нужно совсем другое».

– А что запросит?

– Ну, такой бюрократический отчет о достижениях... или, во всяком случае, о том, что хоть что-то делалось, и вообще самый грубый, самый примитивный позитив. И побольше фоток, таких же... перецвеченных, в общем, примитивных.

– О как! А это... Роман, всё же я в толк не возьму, а почему заказчику не нужно хороших текстов, фотографий, я не знаю, если не как произведений искусства, то хоть с выдумкой, с авторским взглядом... да и потом, даже дизайн, вёрстка, мне казалось, могут быть подобны искусству...

– Вообще, в принципе – конечно! Андрей, все мы тут не так давно, и я тоже. Что, думаете, мы не пытались, я лично не пытался, разным заказчикам, разным генералам предлагать какой-то креатив? Еще как! Мы тут ночей не спали, всё выдумывали, креативили, ну, например, я не знаю, для одного транспортного предприятия, скажем... Фуры едут по дороге, которая превращается в женское такое очень аппетитное тело, ну и там где от талии – она на боку

лежала – подъем к бедру... И-и-и! Там взлетают вверх производственные показатели – до таких фантастических значений.

– И как?

– Никак. Послали генералу, тот просто крест накрест перечеркнул, и коротко написал: «Жду новых предложений»... В общем, Андрей, через пару проектов вы сами будете заранее понимать, чего хочет заказчик, а пока я вам так скажу – покороче и попроще. Особенно в презентациях. Это ведь вообще виртуал, там текстов особых вообще никогда никому не нужно было.

Последняя фраза у Романа вообще классной получилась. В точку. Дескать, виртуальные, созданные на любом экране и для любого экрана, тексты хорошими, то есть глубокими и красивыми, не могут быть... даже не по определению, а как? По природе своей? Ну да. По природе.

«Поэтому не мучься, Ружин, своими творческими муками, – сказал себе Ружин, – а пиши коротко и ясно, типа „Здесь, в Нерюнгринском районе Республики Саха-Якутия разница между самыми высокими летними и самыми низкими зимними температурами достигает 93-х градусов, тем не менее, люди работают так, что район всегда был и останется донором других районов: здесь развита угольная промышленность и лесодобыча, в планах – дотянуть северную ветку БАМа от Тынды до Якутска“. Всё! А в остальное время – газеты в интернете читай, на перекуры ходи и с коллегами о чем-нибудь трепись».

Вообще, я, конечно, не человек «от девяти до шести» и никогда им не был. И не буду, уже, наверное, никогда. Я был и есть, и всегда останусь человеком свободного графика. Да чего там! Свободным художником... Порой с замашками летучего голландца. Мало того – кошки, которая гуляет сама по себе. Куда и когда ей вздумается. Мне нужна постоянная смена декораций, партнеров и чтобы мои выходы были и не частыми, и не долгими. И уж – упаси Боже! – не затягивались бы на *целый акт* никогда. Но при этом и аплодисменты нужны почаще. Не только в общей толпе на *поклонах* третьим, если считать от левой кулисы. По ходу спектакля ВСЕ выходы и эмоции *короткими* обязательно. В каких-нибудь особо щемящих зрительный нерв и душу сценах, эпизодах, монологах и даже паузах. А вот на *поклонах*! – чтобы все актеры и актрисы уже ушли и влезли в гримерках в свои турецкие джинсы и китайские ботинки, разбежались такси ловить домой ехать, и уехали б даже уже, а меня, чтоб всё вызывали.

Такое ведь было.

На первой защите Ружина.

Бывало и до нее.

А после? Будет?

Глава четвертая

Декан МЭО оказалась женщиной лет под пятьдесят, ее глаза выступали за веки чуть больше обычного, впрочем, это её не портило, а лишь придавало особого начальственного шарму, дескать, всё вижу. Звалась она Натальей Степановной.

Заведующая кафедрой маркетинга и рекламы тоже оказалась женщиной лет под пятьдесят, когда-то, по-видимому, слыла красавицей, но поскольку только когда-то, скорее всего, теперь была настоящей стервой. Это она доказала при первом же разговоре.

– Полных рабочих мест у нас, конечно, нет. Мы дадим вам только часы, причем я пока даже не могу сказать, сколько именно. Надо еще прикидывать. Но за вас просил ректор, впрочем, дело даже не в нем, за вас просил Сысоев, а все мы знаем, кто такой Всеволод Петрович, и куда он ходит, и кем дружит (с губернатором, с кем же еще! – подал про себя реплику Ружин), отказать мы вам не можем. Давайте так. Сентябрь только наступил, мы все тут пока работаем как бы по временному расписанию, если честно, и по временной нагрузке, но вот к октябрю, я всё точно рассчитаю, распределю и вам позвоню.

«Вот это хуже всего! – думал Ружин, когда ехал домой в до боли знакомом „21-ом“. – Когда тебе говорят: „Позвоните мне 31-го в одиннадцать“ – это значит, что всё железобетонно. Но когда тебе говорят: „Я вам позвоню...“ – то это означает, что ни черта тебе никто не позвонит».

Дома, то бишь в муниципальном общежитии жена всё так же вечерами чистила картошку, вне зависимости от времени суток болтала о том о сем с многочисленными соседками и не менее многочисленными подругами (ах да! – с первыми воочию, а со вторыми по телефону, как по проводному, так и по новомодному сотовому, по второму, кстати, чаще, что толкало Ружина на смутную жлобоватую тревогу). Дочери (сейчас, в сентябре 2004-го одной шесть с копейками, другой ровно пять) целыми днями носились по двору, впрочем, и по комнате тоже. Сын, правда, ушел жить к бабушке. Иначе, честное слово, спать впятером в шестнадцати в половиной метровой квадратной комнате (сыну, как помним, к этому моменту уже шестнадцать) было невозможно по закону Архимеда. Впрочем, в силу своего неопределенного возраста сын часто с бабушкой ругался (нет-нет, Ира! – конечно, просто имел некоторые разногласия). Егор на некоторое время от бабушки уходил, возвращался в отчий дом, и тогда все спали, просто презрев законы физики и начертательной геометрии в придачу. То есть, жена с дочерьми – на широком диване. Егор – на моем боевом оранжевом матрасе на полу чуть поодаль них. А я... Ну да, калачиком на коврике возле входной, она же выходная двери. Не верите? Проверьте...

Одно Ружина радовало. Оставшийся в наследство от телерадиокомпании «Этогогородская» компьютер. С ужасным монитором с чернобурофиловым мерцанием, но зато системник – «Пентиум второй»! В любое свободное время Ружин строчил на нем свой эпохальный эпопейный роман. «Защита Ружина»! Читали?

Егор, который коллега по работе, наконец, пробил контракт с «Путевыми машинами». Пришел сияющий Роман, объявил об этом и сказал: «Это ваше!» – «Надеюсь, не навеки?» – нескромно переспросил я. «Посмотрим», – почему-то посерьезнел Яшин. Я взял бумажку с телефоном и почти сразу позвонил. В трубке долго бэкали-мэкали, не могли понять, чего мне от них нужно и кто я, в конце концов, такой, а потом сразу взяли и дали телефон генерала. То есть, как помним, генерального директора. На том конце провода, как я представил, был симпатичный подтянутый мужчина, едва за сорок, настоящий инженер хорошей советской, возможно московской выучки. Между прочим, так оно впоследствии и оказалось!

– Я вам коротко о сути, а потом дам телефон человека, который сообщит о некоторых деталях. Понимаете, во всем Советском Союзе была широкая колея. Союз распался, а колея осталась. И дороги продолжают ломаться. И в Латвии, и в Грузии, и у нас, конечно. А предприятий, где выпускаются путевые машины, которые эти дороги способны ремонтировать, на весь бывший Союз после девяностых осталось всего два. В Москве и в нашем городе. На московском предприятии заказов – на столетия вперед, а на нашем...

Он сделал паузу, я ей воспользовался.

– Совсем мало, но только от недостатка информации о вас.

– Хорошо, что вы так на лету схватываете, вы инженер?

– Нет, филолог, но кандидат наук, – зачем-то добавил Ружин.

– Я тоже... Технических... Ладно. Вот телефон Семен Сергеича...

Боже мой! С какой песней, «Наш паровоз вперед лети»!, с каким воодушевлением, с каким романтизмом даже, который, как говорили злопыхатели, давно умер, нет уж!, с каким куражом, с какой скоростью реакции на быстро меняющиеся обстоятельства, с каким самозабвением даже, с каким всепрощением Саньки-фотографа (который нащелкал не только путевых машин, но и болтов и гаек на столетия вперед, а в качестве «шедевра» показал фотку толстенных женских пальцев с тонким карандашом на кульмане), с каким рвением и презрением к своему свободному времени работал Ружин над этим своим проектом! В начале октября он даже чуть не стал сачковать с пар, которые ему дали в академии! Месяц, всего месяц, а проспект уже отдали в типографию! А через две недели это чудо многостраничной рекламы уже вышло из типографии! Это действительно было чудо.

Посудите сами. Итак, проспект в 24 листа формата А4. Обложка; на три четверти золотом, подложкой под золотым фоном – колонны Железнодорожного института Этого города; на четверть – открыточная фотография строгого здания «Путевых машин», над которым – синее-пресинее небо. Разворот генералов, как обычно стандартный, ладно, но и здесь находка: первые буквы текста большие и словно четкие чертежи строгих деталей (так в большинстве текстов, между прочим!). Разворот «Страницы истории»: черно-белые фото первых путевых машин даны в строгих линиях, к которым с белых полей вели линии с такими аккуратненькими – школа, уроки черчения – наконечниками стрел! «Структура предприятия» – никаких коллективных фото поваров перед пенсией! – все в работе! Склонились над кульманами, точат что-то на станках. «Главная задача путевых машин» (Ружин долго бился над названием рубрики, потихоньку сбивая ненужный пафос), на фото – пути, чуть изогнуто ведущие в небо под стократно уменьшающиеся Пп... (для меньших «пэ» здесь не хватает шрифта), и первый абзац: «Для железнодорожного транспорта, и особенно такой отрасли как путевое хозяйство железных дорог, сокращение тяжелого ручного труда имеет жизненно важное значение». Ничего лишнего! Как и положено скульптурам Родена! (Или Лисиппа). Венец творения – срединный разворот. Контур карты Советского Союза! Внутри не красным, легко-золотым! И точками отмечены места, где работают поточные линии и агрегаты ОКБ «Путевые машины» (глубоко спрятанным подтекстом, а у вас они работают?) ... Дальше, конечно менее интересно. На всех остальных страницах – чертежи-эскизы и описания самих путевых машин последнего поколения, но специалисту это суперважно, специалист – это Геракл, побеждающий льва, как правило, не голыми руками... Вот такой шедевр и так сверхбыстро сотворил начинающий издатель Андрей Васильевич Ружин. Не без помощи дизайнера Вити и фотографа Саши, конечно. Но здесь, как говорилось, редактор – не какой-то тухлый «только-текстовик», а ответственный за всё! Генератор идей и руководитель проекта... Будем справедливыми, флегматичный Виктор немало в проспект придумал-подсказал... Но вот давайте опять будем справедливыми, работа в творчестве никогда не бывает работой в какой-то там «команде». Все эти модные «команды» придумали самоучки-«психологи», выгнанные из таксистов за педофилию. Твор-

чество – всегда удел или одиночек или диктаторов... Диктатор даже лучше. Под его началом – мощный *коллективный* разум.

Другое интересно. Почему Андрей Васильевич Ружин с таким скрипом начинал и продолжал проект «Нерюнгри» (и даже в марте его заканчивал); таким – забежим подальше вперед – таким ложным белым грибом корпел над проспектом «Ивановский район Амурской области»; с такой уже ненавистью мыкался над мультимедийной презентацией теперь не «Нерюнгри», а как бы и родного (за дюжину лет жизни-то в нем!) Этого города? (Про всякие там – чуть не сказал порнографические, где же порно в ЛЭП опорных? – корпоративные календари вообще молчим!) А вот первый свой проект, «Путевые машины» сделал быстро, ладно, с огоньком?

...Какую ахинею я нес все предыдущие 30 страниц?! Подумаю я лет через 20.

А может, и не подумаю...

А посему продолжаю...

Кафедре маркетинга и рекламы Этогородской академии экономики и права в 2004 году исполнилось три года. В мой антре туда в первый рабочий день... точнее, на первый рабочий час, точнее, пару, ибо устроился я, как помним, почасовиком, там царил творческий беспорядок. Несусветно заваленные всяким хламом, среди которого единственным глянцем выделялся пошлейший журнал всех времен и народов «Дорогое удовольствие», тесно составленные, лучше сказать, *сдавленные* между собой столы располагались ровно по центру большой комнаты, тесной настолько, что она казалась крошечной: ведь были еще шкафы, густо заваленные сверху донизу – бумагами, худенькими книжками и толстыми книжечками, толстыми и толстенными папками, границ между шкафами и потолком рассмотреть было решительно невозможно. Каких-нибудь пошлых цветочных горшков Ружин нигде не рассмотрел, зато в одном углу кафедральной комнаты увидел стол с привлекательной относительной свободой окрест, а на столешнице красовалась табличка: «Король». «Прикольщики!» – чуть было не подумал Ружин, но вовремя разглядел, что перед званием венценосца стояли инициалы «А.Н». Народ, в то время находившийся на кафедре – каждый! – был подозрительно худ собой. А как же иначе! Только подобные дистрофики могли передвигаться по этим ужайшим пространствам по обе стороны срединного ряда столов, и даже иногда перед каким-то из столов усаживаться. Впрочем, одна девушка-преподавательница имела под пуританской – под горло – серой кофтой великолепную грудь, а одна дама далеко пост балзаковского возраста носила на голове прическу типа «куст сирени»... К девушке Ружин, вопреки обыкновению, ни грамма не вспылал, объяснения чему потом никогда найти не мог, ибо она была еще и конкретно миловидна.

«Между прочим, если Король-невидимка – тоже дама, то мушкетер-то здесь, похоже, только я один», – подумал Ружин и двинулся в сторону смежной комнаты в проем без двери, ибо за ним могло быть рабочее место только завкафедрой.

Он ошибался. Да – комната эта была небольшой, но на две, нет, три головы *незаставленной* общей залы. Здесь была даже какая-то офисная зелень и прочие фикусы. Здесь вкусно парфюмировал полированной столешницей лишь слегка тронутый белой бюрократией стол начальницы. Да, именно за ним почти жеманно сидела она.

Но здесь же стояла женщина почти правильной фигуры сорокалетней дамы, хотя с таким фантастически массивным курдюком, который бывает разве что у аниматоров Микки Маусов в торговых центрах и то, как знаем, из ваты. Маленький офисный столик подле нее не оставлял сомнений, что это именно ее рабочий стол.

Завкафедрой маркетинга и рекламы удивленно вскинула брови явлению Ружина и взяла с места в карьер:

– Андрей Васильевич! Я же вам по телефону объяснила: у вас две пары деловой этики в неделю, расписание на стенде перед кафедрой.

– Ну, понимаете, в учебниках моей дисциплины – там столько тривиального, я бы хотел добавить такого, филологического, что ли, подхода....

– Конечно, конечно! Вы ведь профессионал! Идите, работайте, Андрей Васильевич...

В апреле 2006-го Бедобабин сказал: «Поздравляю вас, а вы поздравьте нас! С нового учебного года кафедру связей с общественностью открываем точно! Москва дает добро!»

В мае Бедобабин сказал: «Вас нужно утвердить на ученом совете!»

В июне вызвала уже декан МЭО Наталья Степановна:

– Андрей Васильевич! Ученый совет утвердил вас, и будем подписывать приказ, чтобы вы начали не с 1 сентября, а пораньше.

– Почему?

– Ну что вы! Это же новая кафедра. У вас же пока, *у вас*, завкафедрой! – даже стола своего сначала не будет. Нужно мебель закупить, папки для бумаг, урну в конце концов! Лаборанта найти. А по учебным планам, знаете, сколько работы будет, по нагрузке.... Кстати, вы в курсе, что вначале все, повторяю, *все* преподаватели у вас будут приходящими, то есть почасовиками. Вы что, 1 сентября их начнете искать?.. Так! И всё, всё – только с моей помощью!.. А я, хоть и беру летом всего недельку, выхожу из отпуска... Та-ак...

«Ну, влип»! – подумал Ружин.

– ...Этим летом я выхожу 5 июля. Всё, решено. С пятого июля вы – заведующий-организатор кафедры связей с общественностью!

– Спасибо.

– Так. Еще на минутку задержитесь...

Глава пятая

С определенного момента жизни в нас пропадает всякая охота и философствовать, и иронизировать. И даже радоваться чему-то. И даже чему-то печалиться.

Так подумать Андрею Васильевичу Ружину еще только предстоит. Но уже очень скоро.

А пока! Живи да радуйся! Да иронизируй над кафедрянской жизнью бывшей своей, теперь – чужой кафедры маркетинга. Философски отнесись к мрачным прогнозам о начале новой жизни.

И впрямь! Чего сутулиться раньше времени?

Ружин выпросил у жены благопристойный объем под хороший ужин. Употребил. И заснул сном младенца, даже не попросив у мамочки сказочку на ночь.

Это было 15 июня. До 5 июля оставалось 20 дней. Точнее – 18.

Но – боже мой! – сколько событий произошло за эти 18 дней!

На следующий же день Ружин сказал – сразу Карпову, минуя Яшина, что так и так, поэтому он увольняется. Карпов отреагировал спокойно, только просил доделать буклет для областной прокуратуры.

Тема там, действительно, была мутная. По вине капризного заказчика. Прокурорским сделали суперские фотографии. Распечатали бесплатно отпечатки с файлов. Но вот им не понравилась самая клеевая фотка. Где запечатлены были – в отутуженнейшей форме! – умопомрачительная помощница прокурора-брюнетка и умопомрачительная помощница прокурора-блондинка вместе взирающие, в рабочем кабинете, конечно! – в объектив. Почему не понравилась – не объяснили. Народ особенно не гадал, выдвинул самую примитивную версию – обе главные соски Самого. Не захотел делиться с народом самым сокровенным. Сделали фотосессию в самых багровых тонах. Опять не понравилась. Пересняли всё супернейтрально. Теперь не подписывают буклет целиком. Вот уже вторую неделю. А файлы в типографию нужно было сдавать еще вчера.

– Андрюша, ты же на пару с Егором ведешь этот проект, разберитесь до конца, пожалуйста! И иди в свой нархоз!

...Через пару дней Андрей сидел на скамеечке на площади Славы (народная шутка юмора – площадь Слава Богу, ибо рядом с Домом радио, давно стоявшим на площади Славы, вечный Этогородский губернатор возвел православный суперхрам).

Чирикали воробьи и ворковали голуби. Ничто не предвещало беды.

И тут Ружин нутром почуял, что кто-то на него пристально смотрит. Чуть поодаль, чуть сбоку стояла, щурясь на закатном солнце... как же ее зовут? Ей было где-то за 30, когда Андрей впервые ее увидел, а было это ровно в тот год, когда они поселились в муниципальном общежитии и Андрей каждый раз ходил с женой на Центральный рынок таскать авоськи. Еще была у него такая дурная привычка, каждый раз помогать ходить жене на рынок. Жена быстро перезнакомилась со всеми более-менее достойными продавщицами Центрального рынка... Эта торговала там...

– Андрей, всё вспомнить меня не можешь? А сколько раз ко мне занять червончик забега? И чтобы жене не говорила.

– Ну пару раз... – Ружин ответил спокойно, но жаба стыда от стрельяния на опохмелку одна из самых липких.

– Пару раз!.. Да Катя я, Катя! Из рыбного отдела.

Она уже сидела рядом. От нее сладковато пахло.

– Слушай, ты еще там на доцента, что ли, сдавать хотел.

Ружину стало ее жалко.

- Я хотел защитить кандидатскую диссертацию.
- Защитил?
- Да. Я – кандидат филологических наук.
- Поздравляю.
- Спасибо.
- Слушай, ты можешь меня немного проводить? До Комсомольской.

Ружин сам не понял, как оказался у нее дома. В пятиэтажке недалеко от Дома радио, на кухне, немного замороженный, но уже с сигаретой.

– Вот это такая штука, итальянская, кажется, знаешь, такая прикольная, это и не настойка, и не ликер, и не коньяк, а вот там и коньячка чуток, и сладенькая немножко, и даже укропчиком немножко. Да?

– Нет ну вещь замечательная, конечно.

Ружин говорил себе, внутри себя, что ничего не происходит. Что он еще чуть-чуть пригубит – и домой. Что дома сразу скажет жене, что видел женщину с рынка, помнишь, стояла в рыбном, с полгода назад пропала: в городе ее встретил, она теперь оптовик, привет тебе передавала. Ну, немного приврет, что она говорила еще, что, если захотят, то могут иногда по оптовой цене кету да горбушу брать, телефон оставила.... Так, а запах спиртного? Что я, с нею, что ли, пил?.. Не-не... Просто надо молчать....

– Андрюша, я там в ванной замачивала, быстренько состирну. Без меня не пей, ладно?

Он закурил.

Она вернулась действительно быстро, но была уже не в джинсах и блузке, а в синем шелковом халатике. Стояла рядом со столом. Не садилась. Ничего не говорила. Он поднялся. Встал рядом. Его рука, словно отдельное от тела существо, легла ей на бедро. Ощутила шелк. Скользнула под него....

– Мужчина, что же вы делаете?!

Литература, к сожалению, не способна передавать голосовые интонации...

– Андрей, ну я должна вначале что-то как-то настроиться... Пойдем в комнату, давай медленный танец.

Но в комнате он сразу бросил ее на диван, они быстро оказались нагими. Он стал брать ее быстро-спортивно... Но вдруг понял... А на самом деле... А на самом деле это она берет у него, безвольно лежащего на спине, берет зло, жадно, хищно. Он даже не видел ее лица: она коротким взмахом, ребром своей ладони скинула себе на лицо свои длинные волосы.

Он мгновенно, бурно сконвульсировал.

Они оделись только чуть медленнее, чем раздевались.

– Значит, так, Андрей, – сказала она, как только закурили. – С мужем я развелась, ты знаешь. А вот чего не знаешь, так это то, что эти приходящие ёхари меня так достали! Алкаши проклятые.... Ты выпивающий, но ты... Но – ты нормальный. Я хочу тебя, и ты мне должен. Не деньги, ты понимаешь, совсем не деньги. Ты будешь ко мне приходить. Когда я позвоню. Ты сам не сможешь от этого отказаться... И потом ты знаешь, что я в любой момент могу всё рассказать Ире, и она...

Он медлил только секунды три. И размашисто вмазал ей открытой ладонью.

– Кандидат, – сказала она, когда он уходил.

Литература не способна передавать голосовые интонации...

Она размазывала по своему теперь совсем открытому лицу слезу и кровь.

И улыбалась.

А еще через четыре дня мы с коллегой Егором стояли в Приемной Прокуратуры.

К нам вышел Зам (по чему-то там) прокурора (первая дверь направо, как войдешь в эту пещеру Аладдина).

– Ну что, парни, скоро ваши мытарства закончатся! Скоро придет Сам, и всё подпишет! А пока пошли ко мне пить чай! У меня хороший чай – зеленый!

И зачем я напрягся от этого обилия восклицательных знаков?!

А Егор не напрягся. Он прихлебывал зеленый чай из черной французской кружки и весело слушал веселую болтовню Зама, что скоро его назначат Первым в Костромскую область.

Потом отнюдь не веселая и отнюдь не молодая помощник прокурора куда-то забрала Зама.

Его не было минуту, другую, десятую....

Меня его отсутствие угнетало. Егора не беспокоило ни грамма. Он сказал, а давай я тебя здесь сфотографирую, и сфотографировал.

(Через пару лет я помещу ту фотку на обложку первого (и единственного!) сборника своих аудиорассказов).

Что-то все забегали по пещере Аладдина.

Мы вышли из кабинета Зама и скромно сели на один из диванчиков (черная кожа).

Не помню, через какое время в пещеру вошел, ни на кого не глядя, Сам. Высокий, стройный, седой. Молча прошел в *свою* пещеру. Судя по моему воображению, пещеру еще более огромную, чем пещера Аладдина.

Как-то прокрался к нему Зам. Потом второй. Третий. Еще какие-то прокурорские....

– Всё, ребята! Не быть мне первым в Костроме.... Сняли! Вообще сняли! Будем нового ждать. А вам, уж извините, – всё по новой!..

Мы ушли.

Как оказалось, я – в запой... Как-то внезапно и практически без причин. Как всегда.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Из запоя выползаешь, как живой из смерти.

Мозги плавятся.

Или уже расплавлены?

Меня уволят по статье? А потом в завкафедры?

Бред!

А где дети? Почему не шумят, как всегда? Они спят?

Сейчас день или ночь?

Какой день, какое число?

Пилит. Опят пилит....

– Ира, ну не пили ты меня?

(Дальше нужно просто идти в коридор курить!)

Люблю длинные коридоры, не люблю курить в них с похмелья... С похмелья? После запоя! Это две разные вещи! Вот кто-то придумал выражение «голова болит с похмелья» – разве оно относится к состоянию после недельного запоя? Ни-ко-им об-ра-зом! Сейчас в рай-

оне лба разлилось озерцо соляной кислоты. И плещется при каждом шаге. И выжигает оставшийся мозг... Если он еще остался... И разве это шаги? Коротко-косолапо едва передвигаешь ноги...

Ладно, пора назад в комнату. Пусть говорит, что хочет, ей все равно скоро на работу...

Меня уволят по статье? А потом идти в завкафедры? Бред! А может, Карпов уже подписал?.. Интересно, он приказы только пишет, а всё подписывает Смирнов? Тогда бы Смирнов всё время сидел в офисе, а он приходит раз в неделю на два часа, – конечно, Карпов. Действительно, я пропадаю неделю. Или больше. Запорол проект, причем с областной прокуратурой. С ней шутки плохи. Разве мало оснований?..

Через день Андрей Васильевич Ружин, кандидат филологических наук, подходил к месту своей службы. На крыльце до боли знакомой бело-голубой десятиэтажки – бывшего НИИ судостроения, а теперь прибежища сотни фирм и фирмочек, стоял Роман Яшин и с тоской и одновременно ненавистью к кому-то разглядывал содержимое какой-то папки. Ружин узнал эту папку, конечно же, узнал. В ней были материалы по буклету для облпрокуратуры.

Яшин положил папку в сумку на ремне и пошел на остановку – Ружин в кабинет Карпова.

– Судьбу портить вам не будем, пишите по собственному...

Глава шестая

Первый год работы в штате Этогородской академии экономики и права в качестве заведующего кафедрой связей с общественностью кандидата филологических наук Андрея Васильевича Ружина мы описывать почти не будем. Знаете почему? А это был один самых счастливых годов его жизни. Писать о счастье – скучно. Читать – еще скучнее. Если кто-то из вас осилил до конца «Божественную комедию» Данте, а ну-ка, угадаю? «АД» и «ЧИСТИЛИЩЕ» – скушно, но прочесть еще можно, но «РАЙ»?! А ни в какую! Угадал?

...Но пару слов всё же скажем.

Ружину попалась замечательная группа. На первом курсе они еще наивно верили, что PR, паблик рилейшнз, связи с общественностью, как ни клянут это всё «*черным пиаром*», – самая замечательная вещь на свете! И поступили-то на эту специальность именно поэтому. Ну, не только поэтому группа замечательная, по многим причинам...

В первый же месяц Ружин дал им сочинение на тему «Как вы представляете свой рабочий день?» Господи, каких только розовых визгов он не начитался!

«Я просыпаюсь в 9, а на работу мне к 11. Пока пью кофе и смотрю канал „Евроныюз“. Приезжаю в офис, у меня на столе распечатка дел нашей фирмы за прошедшие сутки. Анализирую – ведь я заместитель босса. После обеда еду на презентацию. В парикмахерскую забегаю вместо обеда...» Тьфу ты ну ты, лес густой, едут дети на постой!

Но справедливости ради надо отметить, дорогой читатель, Ружин им особо про пиар не врал, он же работал пиарщиком в банке, помните? Он им сразу сказал: во всех учебниках пишут, что пиар устраивается бесплатно, дескать, нужно так организовать событие подопечной вам фирмы, госоргана, персоны, что журналисты толпами сбегутся, чтобы это событие совершенно для вас бесплатно осветить. Враки! В пиар вбухивается денег в десять, иногда в сто раз больше, чем в тривиальную рекламу! Задача: за двадцать секунд прокрутки рекламного ролика банк заплатил 20 тыс. рублей, а за одну фразу голубого журналюги в информационном тиви материале, что этот банк открыл новый филиал, сколько? Сорок? Да вы, что, милые, сотню, не меньше... Почему журналисту? – каналу! Журналист так и будет сидеть на зарплате, правда процентик получит, который хватит ему на новые китайские джинсы. Оттого оплаченные информационные материалы так и зовутся на сленге – «джинса»!.. Короче говоря. Придете работать и получите хороший бюджет – хорошо будете жить. Получите маленький бюджет – сопьётесь. Не получите никакого бюджета – повеситесь.

Дети верили и не верили. Ведь в учебниках этого нет.

Но тут еще одна особенность, точнее две.

Ружин продолжал исповедовать свой главный принцип: каждое проведенное тобой занятие – каждое! – должно быть студентам интересно. И ни разу от него не отступил. Вторая особенность: Ружин к каждому занятию *готовился*. Понакупил книжек про пиар, журналистику, рекламу, теорию коммуникации и т. д. И всё читал их, читал, пометки быстрые ногтей и всё такое.

Мы уж не говорим про то, что Ружин пытался и как бы внестудиозную жизнь детей организовать. Гостей приглашал. Сысоева, конечно, привез. А Всеволоду Петровичу, между прочим, на весну 2006-го было 94 с половиной годика. Но говорил старик красиво и держался молодцом!.. Ружин своим лучшие клипы «Золотых львов» показывал (заместо пар, между прочим!) Да он с ними как-то зимой в футбол играл (физрук в кои-то веки заболел). В довершение скажем, что в первой группе «связей с общественностью» ЭГАЭП было 27 душ, 2 мужеска и 25 женска полу.

Короче. Деточкин любил детей. А дети любили Деточкина. Вот и весь сказ.

Весь да не весь. Вызывает перед концом учебного года к себе Ружина Наталья Степановна (с которой, между прочим, весь год у Ружина были отношения преотличнейшие, несмотря на то, что другими завкафедрами она руководила-кукловодила, как Карабас Барабас). Вызывает и говорит:

– Андрей Васильевич, вы неоднократно говорили, что преподавательская деятельность вам очень нравится, а административной работой вы тяготитесь («Разве я хоть раз *вслух* об этом обмолвился»? – удивился про себя Ружин). Так вот. Мы решили пойти вам навстречу. Ваш контракт как заведующего-*организатора* – на год, со следующего учебного года будет трудовое соглашение уже на должность именно заведующего кафедрой. Там будет очень много бумажной волокиты, которую вы не любите. И мы возьмем ее разгребать опытную заведующую кафедрой из академии госслужбы Татьяну Ивановну Захарову. А вы будете заниматься любимой преподавательской работой. Чтобы не потеряли в зарплате, а даже приобрели – берите, прямо сами, прямо сейчас полторы ставки доцента, вписывайте себе в нагрузку любые дисциплины. А можете и «один семьдесят пять». Если потянете, конечно.

– Наталья Степановна, а ректор тоже считает, что мне лучше уйти с заведующих, так сказать, в полные свободные художники?

– Разумеется.

– Ну вам виднее.

– Ну вот и хорошо.

Напиваться сразу я не стал – поехал к Мише Гинзбургу.

– Ха! – сказал Миша. – Так ведь когда Бедобабин был директором Этогородской высшей партшколы, Захарова была его любовницей. Причем об этом знали все, и даже жена Бедобабина.

– Ну как я мог об этом знать?

– Так знай. А о том, что партшкола теперь – академия госслужбы, ты, надеюсь, знаешь?

– Знаю... Миш, а что за человек хоть эта Захарова?

Миша поманил пальчиком, дескать, дай ухо. А на самом деле громко выпалил:

– Дерьмо, если честно сказать, человек!

Летом я не просто пошел в отпуск. В июле я поехал. И даже полетел! И не куда-нибудь, а к родителям!

Минуточку! Скажет самый дотошный читатель, но ведь в прошлой книге вы говорили, что они в Киргизии! Что там худо и бедно, и т. п.

Правильно. Говорил. И не врал. И сейчас не вру. Но в треклятом (для Киргизии) 2005-м году в марте в Киргизии произошла тюльпановая революция. Не в том смысле, что тюльпаны стали дорогие, как на заре тюльпаномании в Голландии, а в том смысле, что треклятые амерканы втихушку впарили доверчивым киргизам вместо одного президента, вполне интеллигентного, между прочим, доктора физико-математических наук, и докторскую диссертацию защищал в Ленинграде: оттого на президентском посту он воровал у страны совсем скромно, – другого, не такого интеллигентного – Бакиева (он и вузовский диплом, поговаривают, на Ошском рынке в свое время купил). Который потом не только сам наворовал у родной страны миллиарды долларов, но и приставил к этому делу своего сыночка, который по воровскому делу папашку обогнал как паровоз улитку. Ну, с дальним прицелом, конечно, американы такую «глупую» рокировку сделали: правильно – для того, чтобы Бакиева еще кто-нибудь через пяток лет скинул. Они ведь такие жлобы, эти америкосы: им, чем кому-то хуже, тем им самим лучше. Ну а под сурдинку как бы «демократических» революций в чужих стра-

нах, которые они там втихушку устраивают, им что-то бесплатно перепадает: нефть, газ, земли для своих военных баз, а еще – соль, чтоб России-медведице на хвост насыпать...

Итак, революшн, погромы, самозхваты земель и чужих бизнесов, кровь, всё такое... Ну дык мои родители вельми блещут интуицией. Тюльпановая революция, то бишь государственный переворот в Киргизии случился в марте 2005-го, после чего, естественно – новое бегство русских и русскоговорящих из предгорий Ала-Тоо, в Киргизии без этого госпереворотов не бывает. А мои продали свою квартирку сразу после Нового года – и подались к сестре в Великий Новгород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.